

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ЛИФЛЯНЦА. С

1790—1815.

Х.

Вовобновленіе непріязненныхъ дѣйствій. — Аванпостная служба. — Партизанскія дѣйствія и взятіе военной казны. — Блокада Виттенберга. — Откомандировка за Эльбу. — Оборона Бергбурга.

Въ то время, когда мы весело проводили время на демаркаціонной линіи, въ продолженіе слишкомъ двухмѣсячнаго перемирія, на другихъ пунктахъ театра войны, и дальше, позади ихъ, господствовала весьма оживленная дѣятельность. Къ русской арміи безпрестанно подходили рекруты и резервные баталіоны; полки пополнялись и вмѣстѣ съ тѣмъ обучались; къ арміи подвозили необходимые предметы снаряженія и вооруженія. Пруссія напрягала чрезвычайныя усилія, чтобы выставить многочисленную армію, а Австрія, вооружавшаяся въ тиши, готова была приступить къ коалиции. Такимъ образомъ, къ концу перемирія стояла противъ французовъ грозная сила, и — чего до сихъ поръ почти не случалось — союзныя войска превосходили французскія не только числительностью, но частію и качествами. Притомъ они были чрезвычайно воодушевлены и горѣли желаніемъ освободить Германію и Европу отъ ига Наполеона.

Въ Трахенбергѣ былъ принятъ будущій операціонный планъ, основанный, нѣкоторымъ образомъ, на планѣ войны 1812 года, то есть рѣшено было выставить противъ французовъ три арміи, съ фронта и на обоихъ флангахъ. Наибольшая изъ этихъ армій долженствовала сосредоточиться въ Богеміи,

(*) См. „Военный Сборникъ“ 1865 г., № 5—9.

подъ начальствомъ князя Шварценберга, на правомъ флангѣ непріятеля. Главныя квартиры, императора Александра и короля прусскаго, гвардія и гренадеры, корпуса Витгенштейна и Клейста направились туда для соединенія съ австрійцами. Въ Силезіи остался Блюхеръ съ войсками Юрка и съ русскими корпусами Сакена, Сентъ-При и Ланжерона. Къ этой силезской арміи примыкала справа, для прикрытія маршіи, сводная армія наслѣднаго принца Шведскаго, въ которой долженъ былъ присоединиться и Винцингероде со своимъ корпусомъ; кромѣ шведовъ, къ ней принадлежали еще пруссаки подъ начальствомъ Бюлова и Тауэнцина. Дальше внизъ, по направленію къ морскому берегу, стоялъ Вальмодеиъ насупротивъ Даву и датчанъ.

Наполеонъ, замкнутый въ этомъ обширномъ кругѣ, хотя и имѣлъ за собою вездѣ кратчайшую, внутреннюю линію, но куда бы онъ ни наступалъ, противъ какой бы изъ трехъ главныхъ армій ни обратился, двѣ другія постоянно были у него въ тылу и на флангахъ и, угрожая его сообщеніямъ, оттягивали его назадъ. Говорятъ, будто Удино совѣтовалъ взять гарнизоны изъ крѣпостей и изъ опаснаго, сжатаго положенія выйти на просторъ между Майномъ и Рейномъ, гдѣ Наполеонъ, имѣя еще непобѣжденные силы свои, могъ гордо переговариваться о мирѣ. Послѣдовать этому совѣту было не въ характерѣ Наполеона, и онъ, подобно Александру Македонскому, имѣлъ право сказать: „Да, если бы я былъ Удино, то поступилъ бы такимъ образомъ“.

Когда корпусъ Винцингероде двинулся на сѣверъ, на соединеніе съ арміей наслѣднаго принца Шведскаго, я получилъ предписаніе, сдавъ генералу Ланскому мой участокъ демаркаціонной линіи и блокаду крѣпости Глогау, идти съ казачьей бригадой къ Франкфурту-на-Одерѣ. При исполненіи первой половины приказанія, я имѣлъ удовольствіе видѣть моего бывшаго начальника, съ которымъ мы разстались послѣ бауценскаго боя. Ланской былъ блистательный, весьма красивый молодой мужчина, всегда щеголевато одѣтый; онъ отличался рѣдкою храбростію, большимъ военнымъ смысломъ и умѣлъ дѣлать службу каждаго своего подчиненнаго легкою и пріятною.

Во Франкфуртѣ я долженъ былъ дожидаться Винцингероде. Отсюда онъ послалъ меня въ окрестности Берлина, а затѣмъ я получилъ назначеніе вступить въ демаркаціонную линію вдоль границы Саксоніи. Итакъ, опять демаркаціонный караулъ!...

Французскій кордонъ былъ занятъ слабо. Насупротивъ меня стоялъ съ польскими уланами генералъ Домбровскій, главная квартира котораго находилась въ Ютербокѣ. Винцингероде расположился въ Бранденбургѣ, а въ Белицѣ. Къ отряду моему былъ прикомандированъ маіоръ фонъ-Барнековъ, достойный ратный товарищъ, веселаго характера, съ многостороннимъ образованіемъ и обладавшій замѣчательнымъ драматическимъ талантомъ (онъ былъ и драматическій писатель). Прежде Барнековъ служилъ офицеромъ въ прусской арміи, но имѣлъ несчастіе убитъ на дуэли графа Унру, просидѣлъ нѣсколько лѣтъ въ крѣпости, бѣжалъ изъ-подъ ареста и поступилъ въ нашу службу. Послѣ этого ему было исходатайствовано прощенье, и онъ съ отличіемъ служилъ въ рядахъ нашей арміи.

На моей демаркаціи явились вскорѣ берлинскіе торговцы съ предложеніемъ пропускать за саксонскую границу транспорты съ колоніальными товарами, доказывая, что такая мѣра была бы очень выгодна для пруссаковъ и чувствительно повредила бы наполеоновской континентальной системѣ. Генералъ Винцингероде далъ мнѣ, по этому предмету, полную свободу, и я, при помощи моихъ ловкихъ казаковъ, организовалъ контрабандную торговлю съ Саксоніей. Главная задача состояла въ томъ, чтобы пробраться незамѣтно, съ товарнымъ транспортомъ, за аванпостную цѣпь непріятели. Для этого, лишь только наступала ночь, возы собирались у послѣдняго казачьяго пикета, выставленнаго мною на виттенбергской дорогѣ. Когда затѣмъ мои многочисленные патрули осматривали, по обыкновенію, впереди-лежащую мѣстность, непріятель, ожидая эти объѣзды, отводилъ назадъ свои аванпосты, чтобы не столкнуться съ казаками. Между тѣмъ, телѣги съ товарами, управляемые опытными извозчиками, торопливо уѣзжали въ сторону и, удалившись на извѣстное разстояніе, возвращались на виттенбергскую дорогу. Въ Виттенбергѣ онѣ безпрепятственно переправлялись за Эльбу, потому что купцы нашли средство вступить въ соглашеніе съ тамошними французскими начальниками, а, разъ попавъ въ предѣлы Саксоніи, товары благополучно достигали Лейпцига, откуда часть ихъ была посылаема и дальше, во Франкфуртъ-на-Майнѣ. Казаки мои очень скоро свыклись съ дѣломъ и, разумѣется, не оставались отъ него въ убыткѣ. Я же имѣлъ ту выгоду, что посредствомъ этой контрабандной торговли получалъ самыя точныя свѣдѣнія о французахъ, о ихъ

силѣ, движеніяхъ, состояніи, и могъ передать не одно желанное извѣстіе Винцингероде и наслѣдному принцу Шведскому.

9-го августа получилъ я отъ полковника Окольскаго, командовавшаго, насупротивъ меня, 4-мъ полкомъ польскихъ улановъ, письмо, въ которомъ онъ извѣщалъ меня, что, по приказанію Домбровскаго, хотѣлъ прибыть ко мнѣ въ Белиць, но что мои аванпосты не пропустили его. Дѣло, по которому Окольскій намѣревался переговорить со мною, касалось продолженія перемирія до 16-го августа; при этомъ онъ прислалъ мнѣ даже копию съ заключенной конвенціи и выразилъ надежду, что я, какъ и онъ съ своей стороны, конечно, дамъ людямъ необходимый покой и не стану утруждать ихъ чрезмѣрною патрульною службою. Я отвѣчалъ, что, не получивъ еще предписанія о возобновленіи непріязненныхъ дѣйствій, не буду тревожить его и предоставляю ему дать своимъ войскамъ необходимый отдыхъ.

Спустя нѣсколько дней, проведенныхъ мною въ полной дѣятельности для боеваго приготовленія казаковъ, адъютантъ генерала Винцингероде, баронъ Сергій Строгоновъ, привезъ мнѣ слѣдующее предписаніе: „Съ полученія сего, имѣете немедленно собрать вашъ отрядъ и открыть непріязненныя дѣйствія послѣзавтра, 16-го августа, въ пять часовъ пополудни. Приказанія мои вы получите по прибытіи въ Трейенбриценъ. А между тѣмъ, если узнаете о чемъ-либо замѣчательномъ, сообщите съ нарѣчнымъ въ Гольцовъ, куда я прибуду завтра и гдѣ останусь до пяти часовъ пополудни, чтобы затѣмъ двинуться на Бельцигъ. — Бранденбургъ, 14-го августа 1813, въ 11½ часовъ ночи. В.“

Сообщаю здѣсь мой отвѣтъ генералу, съ тою цѣлію, чтобы показать, какого рода свѣдѣнія получалъ я чрезъ контрабандистовъ и лазутчиковъ.

„Предписаніе вашего превосходительства я получилъ чрезъ барона Строгонова въ шесть часовъ утра и сію минуту выступаю въ Трейенбриценъ. Поспѣшаю доложить о нижеслѣдующемъ: дивизіи Филиппо, Дюмонсо и Теста выступили 13-го августа изъ Претча, Витенберга и Дессау къ Дрездену; дивизія Домбровскаго идетъ вслѣдъ за ними 14-го августа. — Герцогъ Падуанскій выѣхалъ изъ Лейпцига и ночевалъ третьягодня въ Эйленбургѣ. — Князь Нѣшательскій находился въ Торгау. —

Маршалъ Удино былъ 13-го августа въ Лукау съ баварскою дивизіей Рагловича и съ дивизіями Пакто и Лорансе, расположенными въ окрестности. — Маршалъ Викторъ былъ еще въ Губенѣ. — Въ Дессау теперь только одинъ баталіонъ 7-го легкаго пѣхотнаго полка, а въ Вёрлицѣ двѣ роты. — Прилагаю нѣсколько французскихъ газетъ; въ нихъ помѣщена довольно рѣзкая статья о баронѣ Анштетенѣ. — Белиць, 15-го августа. Семь часовъ утра. Л.“

Я выступилъ въ походъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Слова: „война! война!“ пріятно звучали въ ушахъ моихъ, заставляя меня предаваться самымъ обаятельнымъ надеждамъ, и мнѣ почему-то казалось, что и на этотъ разъ я останусь цѣлъ и невредимъ. Вслѣдствіе полученнаго мною, ночью въ Трейенбриценѣ, письменнаго приказанія Винцингероде, я двинулся къ Ютербоку съ цѣлію узнать о расположеніи непріятеля. Французы только-что выступили изъ этого городка, когда я прибылъ въ него и нашелъ здѣсь предписаніе слѣдующаго содержания: „Наслѣдный принцъ сію минуту извѣстилъ меня—писалъ Винцингероде—что императоръ Наполеонъ отправился лично къ арміи маршала Удино, который идетъ на Барутъ, чтобы потомъ устремиться прямо на Берлинъ. Надобно тревожить его на лѣвомъ флангѣ, а если можно, то и въ тылу. Расположеніе ваше въ Ютербокѣ благопріятствуетъ тому. Идите къ Баруту и тревожьте лѣвый непріятельскій флангъ. Вы будете имѣть въ резервѣ генерала графа Орурка въ Белицѣ, съ 3,000 коней и съ 3,000 егерей. Къ нему посылайте и донесенія. Если бы вы не попали въ Ютербокъ и получили мое приказаніе между этимъ городомъ и Трейенбриценомъ, то направляйтесь на Лукенвальде. Я, по приказанію кронпринца, иду со всею кавалеріей, за исключеніемъ отряда Орурка, чрезъ Потсдамъ на Шарлотенбургъ. Его королевское высочество приказалъ мнѣ сообщить вамъ, что Наполеонъ будетъ слѣдовать за арміей Удино подъ прикрытіемъ двухъ эскадроновъ кавалеріи. Кронпринцъ общается тому казачьему отряду, который возьметъ Наполеона въ плѣнъ, *пять сотъ тысячъ рублей*, а за захватъ императорскаго штаба — по соразмѣрности. — Бельцигъ, 17-го августа, четыре часа утра. В.“

Ничего не могло быть для меня пріятнѣе подобнаго порученія, хотя я и понималъ трудности его исполненія. Дѣйствовать на флангъ непріятеля или въ тылу его тотчасъ при то-

крытіи кампаніи, когда все еще свѣжо, бодро, исполнено воинственною отвагою, когда возможныя случайности разсчитаны и всѣ мѣры осторожности приняты — дѣло очень не легкое. Но мысль поохотиться на Наполеона воспламеняла меня. Я составилъ для того особенный планъ. Такъ какъ конвой Наполеона оказалъ бы, навѣрное, отчаяннѣйшее сопротивленіе, а самъ онъ во время боя далъ бы тягу, то я распорядился слѣдующимъ образомъ. Двѣ сотни казаковъ, подъ начальствомъ испытанныхъ молодцовъ-офицеровъ, не должны были участвовать въ дѣлѣ, но, расположившись поодаль, обязывались наблюдать: не отдѣлится ли изъ сражавшихся эскадроновъ небольшая часть и не устремится ли она поспѣшно назадъ или въ сторону. Въ такомъ случаѣ, обѣ сотни должны были ринуться на эту часть, а на „сына судьбы“ набросить арканъ. Казаки мои горѣли нетерпѣніемъ выкинуть такую штуку; меня, при удачѣ, ожидала благодарность всей Европы.

Для лучшаго скрытія своего движенія, я рѣшился не слѣдовать въ точности данному мнѣ предписанію, но взять больше вправо, чтобы дальнимъ обходомъ выйти на сообщенія Удино. Изъ Ютербока я выступилъ сначала на Рорбекъ, потомъ пошелъ на Швейницъ, имѣя въ виду переправиться чрезъ р. Черный Эльстеръ и пересѣчь соединительные пути Удино съ Виттенбергомъ и Торгау. Въ Энѣ передовые разъѣзды дали мнѣ знать, что по направленію къ Грешенбергу видна пѣхотная колонна. Я тотчасъ же бросился туда. Непріятель, замѣтивъ меня, хотя и поспѣшилъ построиться въ каре, но не успѣлъ: мои казаки накрыли его и захватили триста плѣнныхъ съ оружіемъ и обозомъ.

Начало было хорошее! Я немедленно отослалъ плѣнныхъ и оружіе къ графу Орурку, который, вслѣдствіе того, получилъ отъ Винцингероде слѣдующую бумагу: „Я получилъ, графъ, ваше донесеніе изъ Требина и рапортъ барона Левенштерна изъ Грешенберга. Кронпринцъ чрезвычайно доволенъ дѣйствіями этого храбраго офицера и приказалъ мнѣ сообщить ему о томъ, что я и возлагаю на васъ. Такъ какъ армія двигается впередъ и я еще сегодня займу всею моею кавалеріей Белиць, Сармундъ и Требинь, то имѣете вы съ девятью казачьими полками, состоящими подъ вашею командою, идти къ Ютербоку и выслать оттуда сильные отряды отъ Виттенберга до Барута, и, сколько возможно, далѣе.—Завтра генераль Чернышевъ будетъ

въ Трейенбриценѣ и произвести, со своими казаками, рекогносцировку всего пространства между Виттенбергомъ и Цербстомъ. Генералъ Иловайскій вступитъ сегодня въ Требинь и будетъ производить развѣды отъ Митенвальде до Барута. Вы должны находиться, справа, въ постоянной связи съ корпусомъ генерала Чернышева. Пять егерскихъ баталіоновъ, равно и артиллерія, остаются впредь до дальнѣйшихъ приказаній въ Белицѣ. Моя главная квартира будетъ сегодня въ Сармундѣ, а завтра въ Белицѣ.“

Послѣ кратковременнаго отдыха въ Гресенбергѣ, я продолжалъ маршъ къ Швейницу. Узнавъ здѣсь, что въ Шёнвальдѣ находится кавалерійское депо, я выступилъ туда ночью, но уже не застаѣ его, и взялъ въ плѣнъ только одного офицера съ тридцатью солдатами, которые конвоировали запасные лафеты и походную кузницу. На возвратномъ пути въ Швейницу, мнѣ дали знать, что значительный транспортъ, услыхавъ о моемъ появленіи, вернулся обратно въ Виттенбергъ. Я тотчасъ же послалъ туда сотню казаковъ, и чрезъ часъ ко мнѣ привели двадцать повозокъ съ выздоровѣвшими солдатами и мундирными вещами. Непріятельскіе гусары и жандармы, служившіе прикрытіемъ транспорта, обратились въ бѣгство, оставивъ въ нашихъ рукахъ 130 безоружныхъ пѣхотинцевъ. Эта добыча была мнѣ въ тягость, и я намѣревался отослать плѣнныхъ къ виттенбергскому коменданту; но мысль, что тогда сдѣлается извѣстнымъ мое пребываніе въ тылу французской арміи, заставила меня таскать за собою, до времени, эту обузу.

Дорога изъ Дрездена на Лукау и Баруть, извивавшаяся предо мною, весьма понятно, приковывала къ себѣ всѣ мои мысли. Мнѣ предстояло пройти четыре мили (28 верстъ). Одну сотню казаковъ я расположилъ въ засадѣ между Зонненвальде и Лукау, другую между Добрилукомъ и Зонненвальде, приказавъ имъ избѣгать столкновенія съ сильнымъ непріателемъ, не производить вообще ничего шумнаго, но хватать курьеровъ и отдѣльно-ѣхавшихъ офицеровъ. Такимъ образомъ былъ взятъ курьеръ князя Нѣшательскаго (Бертъе), и изъ депеши его я узналъ, что Наполеонъ обратился неожиданно въ Силезію противъ Блюхера, предоставивъ Удино драться какъ знаетъ. Слѣдовательно, замыселъ накинуть на Наполеона казачій арканъ кончился ничѣмъ!... Крѣпко непріятна была мнѣ такая неудача; я просто задыхался отъ досады и искалъ скорого и по-

трисающаго развлечения. Судьба порадовала меня. Прискакавшій казакъ сообщилъ, что въ разстояніи часа отъ Зонненвальде видѣть обозъ, подъ прикрытіемъ пѣхотной колонны, въ главѣ которой торчала медвѣжья шапки. Я немедленно поскакалъ по указанному направленію; поручивъ маіору Барнекову захватъ въ тылъ колонны по дрезденской дорогѣ, самъ, съ главными силами отряда, рѣшился атаковать непріятеля съ фронта. Барнековъ доогналъ колонну и тѣмъ принудилъ ее построиться въ каре. Своими угрожающими движеніями онъ задержалъ ее до моего прибытія. Я построилъ три колонны къ атакѣ, и храбрые казаки полка Попова 13-го, незнакомые ни съ какою опасностію, бросились съ неудержимою стремительностію. Дѣло было кончено въ нѣсколько минутъ: пѣхота была смята и взята въ плѣнъ; не спаслось ни одной души. Рота саксонскихъ гвардейскихъ гренадеровъ въ 178 человекъ, маршевая колонна изъ 350 пѣхотинцевъ, до двадцати офицеровъ и 700,000 франковъ—такова была наша добыча. Мы лишились при этомъ отличнаго офицера, сотника Персіанова; общій же уронъ нашъ ограничивался нѣсколькими ранеными казаками, многими убитыми и подстрѣленными лошадьми. Полкъ Ребрѣва, находившійся въ засадѣ, не потерялъ ничего.

Теперь вся задача состояла въ томъ, чтобы, съ плѣнными и съ богатою добычею, выбраться изъ моего опаснаго положенія въ тылу непріятеля и восстановить связь съ нашею арміею. На пути слѣдованія въ Зонненвальде, замѣтивъ, какъ мои казаки жадно посматривали на фургоны, я долженъ былъ сознаться, что малѣйшее препятствіе или замѣшательство, ложная тревога могли подвергнуть меня величайшей опасности. Казаки, въ такомъ случаѣ, бросились бы на фургоны, чтобы воспользоваться хотя чѣмъ-нибудь, и тогда горсти гусаровъ или конно-егерей было бы достаточно разбить меня наголову. Надлежало на первое время удовлетворить казаковъ: я приказалъ вскрыть нѣсколько боченковъ съ деньгами, раздѣлили сто тысячъ франковъ между людьми отряда и общалъ имъ столько же, если благополучно достигнемъ нашей арміи.

Прибывъ въ Зонненвальде, я расположился на площади, поставилъ къ фургонамъ надежный безсмѣнный караулъ и забралъ въ городѣ всѣхъ вольныхъ и почтовыхъ лошадей, посуливъ за нихъ полную уплату. Такъ какъ люди были крайне утомлены, то я далъ имъ еще два часа отдыха, и въ это вре-

мя осмотрѣлъ чемоданъ французскаго курьера, схваченнаго казаками на добрилуцкой дорогѣ. Въ чемоданѣ оказались сотни писемъ, изъ которыхъ подъ извѣстными адресами я отобралъ для просмотра, а остальные препроводилъ къ зонненвальдскому почтмейстеру; кромѣ того, я нашелъ цѣлую связку съ сотнями французскихъ орденскихъ крестовъ и грамотъ на нихъ. Все прочее, везенное полевой почтою, я объявилъ военною добычею, а именно: небольшой походный серебряный сервизъ, присланный маршалу Удино изъ Парижа и отнынѣ сдѣлавшійся моею собственностію, и ящикъ съ хорошимъ бордо, также для Удино, который я выпилъ съ Барнековымъ и съ другими товарищами.

Изъ Зонненвальде я выступилъ съ намѣреніемъ отойти къ арміи Блюхера и уже двинулся по этой дорогѣ, когда развѣзды дали мнѣ знать, что дороги непроходимы и что по нимъ едва можно пробираться лишь верхомъ. Что тутъ было дѣлать? Я рѣшился послѣдовать примѣру старыхъ лисицъ, которыя, будучи сильно тѣснимы и преслѣдуемы справа или слѣва, возвращаются на старую дорогу, гдѣ мчащіяся впередъ охотники и собаки и не могутъ подозрѣвать ихъ присутствія. Слухъ о моемъ набѣгѣ и взятіи казны уже распространился въ окрестностяхъ; значить, надобно было ожидать погони, и всего скорѣе меня стали бы искать вездѣ, только не на оставленной мною дорогѣ. Свернувъ влѣво, я шелъ день и ночь до Шёнвальде, уклонился отъ Герцберга и Швейница, куда могли быть посланы войска изъ Торгау и Виттенберга, захватилъ въ Шёнвальде шестерыхъ польскихъ улановъ и четверыхъ жандармовъ, высланныхъ на развѣдки обо мнѣ, далъ людямъ и себѣ отдыхъ на нѣсколько часовъ, такъ какъ мы почти не слѣзали съ коней въ продолженіе четырехъ дней, и двинулся затѣмъ дальше къ Ютербоку. Для меня было большою обузою тащить съ собою плѣнныхъ; но теперь я напалъ на мысль извлечь изъ нихъ пользу. Надлежало ожидать, что по близости ютербокской дороги стояли французскія войска, а какъ на ровной мѣстности, начинающейся отъ Шёнвальде, движеніе мое могло быть замѣчено издалека, то я вздумалъ пустить въ головѣ колонны плѣнныхъ саксонскихъ гренадеровъ въ медвѣжьихъ шапкахъ, неупотреблявшихся въ русской арміи, и такимъ фокусомъ ввести въ обманъ подстерегавшаго меня непріятеля. За саксонскими гренадерами слѣдовали казаки Попова; фланго-

вымъ людямъ я приказалъ тащить на веревкахъ по землѣ визанки сѣна, которыя подняли такую страшную пыль, что издали нельзя было различить, какая идетъ конница; кромѣ того, я велѣлъ идти съ интервалами, отчего число войскъ казалось втрое больше. За первымъ полкомъ двигались фургоны и остальные плѣнные; въ хвостѣ былъ полкъ Ребрѣва, казаки котораго также волочили по землѣ визанки сѣна. Благодаря такимъ приемамъ, мой слабый отрядъ имѣлъ видъ порядочной силы.

Къ счастью, я не встрѣтилъ непріятеля; за то полковника Прендля, стоявшаго въ Ютербокѣ, напугалъ до такой степени, что онъ поднялъ на ноги всю лицію и уже распорядился очистить Ютербокъ. Но какъ я самъ шелъ въ головѣ своего авангарда, то и приказалъ казакамъ поспѣшить къ полковнику и разъяснить тайну. Когда пыль улеглась, Прендль не мало удивился, увидѣвъ только два казачьихъ полка, а когда онъ взглянулъ на моихъ плѣнныхъ и въ особенности на фургоны, лицо его выразило недоброжелательство и зависть. Какъ хитрый Маккавей, онъ уже составилъ адскій умыселъ раздѣлить со мною добычу....

Прендль намѣревался произвести ночью фальшивую тревогу, какъ будто наступаетъ непріятель; потомъ, показывая видъ, что обращенъ имъ въ бѣгство, хотѣлъ броситься въ беспорядкѣ на мой бивуакъ и со своими подручниками овладѣть военною кассою, послѣ чего онъ объявилъ бы притязаніе на долю въ добычѣ, будто бы имъ спасенной. Весь этотъ умыселъ былъ сообщенъ мнѣ однимъ изъ его офицеровъ, служившимъ прежде подъ моимъ начальствомъ, и я успѣлъ принять надлежащія мѣры. Вечеромъ Прендль явился на мой бивуакъ, расположенный въ верстѣ позади его бивуака, подъ предлогомъ узнать, за стаканомъ пунша, подробности моего счастливаго наѣзда, а въ сущности для того, чтобы ориентироваться и высмотрѣть мѣсто, гдѣ стояли фургоны. Съ фарисейскимъ участіемъ сталъ онъ уговаривать меня смѣло предаться отдыху, вызываясь принять на себя всѣ мѣры предосторожности, доказывая, что я и мои казаки, послѣ понесенныхъ трудовъ, имѣютъ право на успокоеніе, и просилъ во всемъ положиться на него. Поблагодаривъ, съ наружною довѣрчивостію, полковника, я, лишь только онъ уѣхалъ, поднялся съ бивуака и тихо перевезъ фургоны на четверть часа дальше назадъ, однако приказалъ на прежнемъ мѣстѣ поддерживать огонь и оставилъ тамъ сотню

казаковъ, къ которымъ и самъ вернулся, чтобы выждать развязки дѣла. Въ скоромъ времени примчался Прендль, словно изступленный, со своими людьми, поднялъ шумъ, кричалъ, что мы должны спастись, что множество французовъ у насъ на плечахъ.... Бивуачные костры продолжали тлѣть; казаки мои стояли наготовѣ поддержать его; но желанные фургоны исчезли. Прендль догадался, что я провѣдалъ о его тайномъ умыслѣ.

На другой день, рано утромъ, я получилъ предписаніе Винцингероде — продолжать тревожить непріятеля и для того условиться съ генераломъ Чернышевымъ. Фургоны, между тѣмъ, крѣпко озабочивали меня; таскать ихъ въ хвостъ и исполнять партизанскую службу было чистою невозможностію. Поразмысливъ, я рѣшился отправить ихъ съ маіоромъ Барнековымъ въ Потсдамъ и въ Берлинъ, подъ надежнымъ прикрытіемъ; самъ же я не могъ взять на себя эту обязанность потому, что предварительно долженъ бы былъ испросить на то разрѣшеніе высшаго начальства.

Спустя часъ послѣ того, какъ Барнековъ выступилъ съ фургонами, прискакалъ ко мнѣ казакъ съ извѣстіемъ, что подъемныя лошади стали въ глубокомъ пескѣ, что нѣтъ надежды добраться до Потсдама и что непріятель находится въ разстояніи только четверти мили. Я поспѣшилъ къ Барнекову на помощь съ двумя сотнями казаковъ, выгналъ изъ деревни непріятельскихъ всадниковъ, нанялъ крестьянскихъ лошадей и приказалъ впрячь подъ повозки тройной комплектъ. Обозъ выbralся изъ песковъ на почтовую дорогу, а я воротился тревожить французовъ.

Первое извѣстіе о томъ, что повозки мои прослѣдовали чрезъ Белиць я получилъ изъ самаго Белица чрезъ генерала Чернышева, который, увѣдомляя меня, вмѣстѣ съ тѣмъ писалъ о движеніяхъ, ожидаемыхъ въ слѣдующіе дни, и рассчитывалъ на содѣйствіе моихъ казаковъ.

Между тѣмъ, дано было сраженіе при Гросбееренѣ; Бюловъ и Тауэнцинъ покрыли себя славою; корпусъ же Винцингероде принималъ лишь малое участіе въ знаменитомъ бою, за исключеніемъ легкой кавалеріи и казаковъ, имѣвшихъ дѣла въ оволь. На мою долю выпало забрать сотню плѣнныхъ и выгнать въ ночь на 23-е августа, которую Удино хотѣлъ про-

вести въ Берлинъ, грабившихъ французовъ изъ городка Лукенвальде, къ великой радости обывателей.

Вслѣдъ затѣмъ я получилъ предписаніе отправить казачій Ребрѣева полкъ къ генералу Гиршфельду. Время послѣ выиграннаго сраженія казалось мнѣ удобнымъ для непродолжительнаго отсутствія; Винцингероде согласился на мою просьбу, и я, сдавъ остававшійся у меня полкъ войсковому старшинѣ Попову, самъ поспѣшилъ въ Берлинъ. Прибывъ сюда поздно вечеромъ, я съ большимъ трудомъ отыскалъ маіора Барнекова въ гостиницѣ Чернаго Орла, на дѣнгофской площади. Онъ еще не спалъ, ходилъ большими шагами по своей комнатѣ и казался до крайности встревоженнымъ. Я смутился и, помышляя единственно о фургонахъ, спросилъ:

— Здѣсь ли повозки?

— Слава Богу, здѣсь! Но бѣда еще не кончилась — отвѣчалъ Барнековъ — завтра я долженъ отправить ихъ къ коменданту.

— Ну, если онѣ еще не отправлены, значить и бѣды нѣтъ! воскликнулъ я. — Своя рука — владыка!

Я приказалъ позвать хозяина, француза Матѣе, и обратился къ нему съ вопросомъ:

— Хотите ли получить тысячу талеровъ?

— Съ удовольствіемъ.

— Отпустите же спать всю прислугу, дайте мнѣ небольшую комнату, хоть на чердагѣ, и будьте безмолвнымъ свидѣтелемъ того, что мы станемъ дѣлать.

Матѣе поблѣднѣлъ и вскричалъ:

— Ради Бога, что же будетъ?...

— Ничего необыкновеннаго, любезный мсье Матѣе, и чрезъ двадцать четыре часа вы можете, если вамъ угодно, рассказывать о томъ всѣмъ и каждому.

Послѣ полуночи трактирщикъ отослалъ всѣхъ своихъ людей спать, а я приступилъ къ выгрузкѣ повозокъ и къ переноскѣ вмѣстимости ихъ въ отведенную мнѣ каморку. Казаки мои работали всю ночь, перетаскивая въ четвертый ярусъ семьдесятъ пять боченковъ съ монетою. Когда работа кончилась, я приказалъ набросать въ фургоны сѣна, соломы, дерева, кирпичей и всякой дряни, приставилъ къ нимъ часовыхъ и спокойно залегъ спать, ожидая, какую бурю принесетъ мнѣ завтрашній день.

Мѣры, принятыя мною, я отнюдь не считалъ противозаконными или предосудительными: боченки съ монетою были нашею благопріобрѣтенною собственностію, отысканною въ тылу неприятельской арміи, отнятою у противника остриемъ меча и вывезенною изъ свалки съ тысячами опасностей. Если бы эта добыча попала теперь въ руки посторонняго военнаго начальства, она превратилась бы въ спорное имущество, а тамъ поди бѣгай по присутственнымъ мѣстамъ съ документами на гербовой бумагѣ.

Утромъ явился ко мнѣ баронъ Будбергъ, адъютантъ русскаго коменданта Ножина, и принесъ предписаніе прусскаго генераль-губернатора Лестока о немедленной выдачѣ фургоновъ со взятою военною казною. Я отвѣчалъ, что повозки принадлежатъ мнѣ и моимъ казакамъ и потому я не отдамъ ихъ. Адъютантъ удалился; но чрезъ нѣсколько минутъ пріѣхалъ самъ комендантъ и спросилъ: „намѣренъ ли я выдать фургоны добровольно, или должно взять ихъ силою?“—„Какъ угодно“, отвѣчалъ я. По отъѣздѣ коменданта, въ виду явной опасности, надлежало призвать на помощь все присутствіе духа; Барнековъ уже потерялъ голову и ходилъ взадъ и впередъ въ волненіи. Я тотчасъ же послалъ за мѣнялою, чтобы, въ случаѣ несчастія, спасти хотя что-нибудь: ему было предложено достать, въ теченіе часа, столько золота, сколько онъ могъ — червонцевъ, фридрихсдоровъ, наполеондоровъ, все равно... Прежде, нежели прошелъ часъ, я имѣлъ три тысячи червонцевъ и пять тысячъ фридрихсдоровъ, а мѣняла вынесъ въ заднюю дверь свои боченки съ серебряною монетою.

Въ десять часовъ пришла прусская военная команда, окружила фургоны и доставила часовыхъ у воротъ дома. Одѣвшись веторопливо, я поѣхалъ къ генераль-губернатору Лестоку жаловаться на такой поступокъ со мною и требовать удовлетворенія за конфискацію моей собственности и арестъ въ гостиницѣ. Старый солдатъ, я зналъ слишкомъ хорошо, что пассивная атака не ведетъ ни къ чему и что только активная приноситъ богатые плоды.

Генераль встрѣтилъ меня очень недружелюбно.

— Какъ, господинъ полковникъ! воскликнулъ онъ съ гнѣвомъ: вы овладѣваете казною и не передаете ее правительству? Извѣстно ли вамъ, что это влечетъ за собою разжалованіе?

— Вашихъ военныхъ законовъ, генераль, я не знаю; но

наши оправдаютъ меня, и этого довольно. Притомъ, я явился къ вамъ просить не о милости, но требовать удовлетворенія. Меня не мало удивляетъ, что вы упрекаете меня въ отнятіи у непріятели казны, между тѣмъ какъ его королевское высочество кронпринцъ Шведскій именно за этотъ подвигъ осыпалъ меня поклонами въ своемъ дневномъ приказѣ; да и вашъ король пожаловалъ мнѣ недавно орденъ „за военныя заслуги“. Вы же оскорбили меня публично, и потому я считаю себя недостойнымъ этого почетнаго украшенія.

Я сорвалъ съ себя прусскій крестъ и положилъ его на столъ вмѣстѣ съ приказомъ кронпринца.

— Повидимому, и сабля вамъ въ тягость... Гауптвахта недалеко...

— Сабля моя оказалась довольно полноувѣсною для враговъ моего государя... но если она нужна вамъ, возьмите ее.

Я отстегнулъ саблю.

— До этого мы еще не дошли!... Извольте идти домой и ждать тамъ дальнѣйшихъ приказаній.

Я ушелъ, оставивъ на столѣ прусскій крестъ и бумагу.

Кровь кипѣла въ моихъ жилахъ при мысли о нанесенномъ мнѣ оскорбленіи, и, притомъ, въ такія минуты, когда газеты перевозносили меня за мои партизанскія дѣйствія. Едва воротился я домой, какъ пріѣхалъ начальникъ штаба генералъ-губернатора, чтобы взять у меня ключи отъ фургоновъ и принять въ моемъ присутствіи инвентарь ихъ. Я отвѣчалъ: — „Ищите ключи тамъ, гдѣ я взялъ повозки. Съ тѣхъ поръ у меня было слишкомъ много дѣла, чтобы думать о ключахъ и о поступкѣ здѣсь со мною.“

Раздраженный моимъ упрямствомъ, губернаторъ приказалъ взять фургоны силою. Я не противился, потому что желалъ именно этого, но, ради формы, протестовалъ, что уступаю только силѣ.

Вслѣдъ затѣмъ губернаторъ пригласилъ меня въ свой штабъ для присутствованія при вскрытіи и пріемѣ инвентаря. Я отвѣчалъ, что „никто не можетъ принудить меня присутствовать при такомъ самовольномъ и несправедливомъ распоряженіи“. Въ то же время я послалъ гонца къ Винцингероде и письмо къ князю Сергію Волконскому, пользовавшемуся его неограниченнымъ довѣріемъ. Генерала я просилъ о защитѣ, а князю

Волконскому, моему короткому приятелю, писалъ, чтобы онъ пріѣхалъ въ Берлинъ.

Въ вскрытію фургоновъ топорами приступлено было въ присутствіи многихъ откомандированныхъ для того штабныхъ офицеровъ. Аудиторъ стоялъ наготовѣ, съ очиненнымъ перомъ, писалъ инвентарь. Крышка перваго фургона разлетѣлась въ куски; всѣ бросились къ нему... но кромѣ камней, полѣньевъ и соломы ничего не увидали! Со вторымъ, съ третьимъ фургономъ та же исторія, тѣ же обманутыя надежды! Истинно театральная развязка!... Кладъ не дался!... Присутствовавшіе разошлись съ вытянутыми лицами.

Я, между тѣмъ, условился съ берлинскими евреями относительно окончательнаго обмѣна французскаго серебра на голландское или на германское золото и на всякаго рода бумажныя цѣнности, разумѣется, съ большимъ барышомъ для сыновъ Израиля. Все это было сложено въ безопасное мѣсто, и когда исчезли всѣ слѣды, генералъ Лестокъ заключилъ со мною миръ тѣмъ скорѣе, что Волконскій привезъ письмо Винцингероде въ мою защиту и самъ крѣпко отстаивалъ меня. Вслѣдствіе того я получилъ отъ Лестока слѣдующее увѣдомленіе:

„Имѣю честь возвратить вашему высокоблагородію оставленныя у меня бумаги, и радуюсь, что случившееся, относительно васъ, недоразумѣніе, къ которому я однако не подавалъ повода, нынѣ устранено. Примите увѣреніе въ моемъ отличномъ уваженіи. Берлинъ, 26-го августа 1813. Лестокъ.“

Дѣйствительнымъ виновникомъ всей исторіи былъ русскій комендантъ Берлина. Онъ, впрочемъ, не замедлилъ извиниться передо мною и даже попросилъ, по случаю своей свадьбы, денегъ взаймы, что и было охотно мною исполнено.

Шесть дней прожилъ я въ Берлинѣ; въ деньгахъ не было недостатка, одно развлеченіе смѣнялось другимъ и значительная часть военной добычи перешла въ руки воздушныхъ силъ фидъ....

А между тѣмъ изъ главной квартиры Винцингероде долетало до меня громкое, скучное напоминаніе о немедленномъ возвращеніи. Я окончательно устроилъ свои денежныя дѣла; честный раздѣлъ добычи былъ сдѣланъ еще прежде: казаки и офицеры получили все имъ слѣдовавшее сполна; на долю Барнекова досталось столько, что онъ могъ обезпечить свою жизнь,

Я же выѣхалъ изъ Берлина съ весьма облегченнымъ остаткомъ добычи.

Въ Трейенбриценѣ, гдѣ была главная квартира кронпринца Шведскаго, я явился къ графу Лёвенгелъму, знакомому мнѣ еще съ Петербурга, а онъ доложилъ обо мнѣ принцу. Послѣдній принялъ меня, въ шесть часовъ вечера, въ постели, въ которой онъ имѣлъ обыкновеніе лежать до тѣхъ поръ, пока лежалось. Принцъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ отозвался о моихъ послѣднихъ дѣйствіяхъ. Напротивъ того, генералъ Винцингероде, въ главную квартиру котораго я пріѣхалъ на другой день, встрѣтилъ меня съ сильнымъ негодованіемъ. Нѣкоторыя подробности о взятіи мною военной казны были переданы ему невѣрно; о другихъ онъ вовсе ничего не зналъ; наконецъ, мое продолжительное пребываніе въ Берлинѣ не понравилось ему. Сначала я оправдывался, но какъ это еще болѣе раздражало его, то я замолчалъ до лучшихъ временъ. Они наступили скоро: вечеромъ же слѣдующаго дня я получилъ предписаніе отправиться къ графу Воронцову, командовавшему авангардомъ. Я нашелъ графа на аванпостной линіи въ крестьянской избѣ; онъ тутъ же приказалъ мнѣ ѣхать къ генералу Чернышеву, отъ котораго я долженъ былъ получить, вмѣстѣ съ моимъ прежнимъ отрядомъ, и дальнѣйшее назначеніе. Отыскавъ мою казачью бригаду на крайнихъ аванпостахъ, подъ командою генерала Рылѣва, я принялъ ее отъ него, тотчасъ же приказалъ казакамъ, обрадованнымъ моимъ возвращеніемъ, садиться на коней и пустился въ путь, въ главную квартиру Чернышева, которая находилась въ Козвигѣ, неподалеку отъ Виттенберга.

Генералъ, зная о моемъ къ нему откомандированіи, заранее изготовилъ мнѣ инструкцію слѣдующаго содержанія: „Вслѣдствіе предписанія, только что полученнаго мною отъ его превосходительства генерала барона Винцингероде, и согласно повелѣнія его королевскаго высочества наслѣднаго принца Шведскаго, имѣете вы наипоспѣшнѣйше отправиться со своею бригадою на лѣвый берегъ Эльбы, чтобы тревожить непріятели, взыскивать кантрибуціи, забирать реквизиціоннымъ образомъ рогатый скотъ, беспокоить непріятельскія сообщенія и доставлять извѣстія въ главную армію. Что касается контрибуцій, то вы обязываетесь вести точный списокъ всѣхъ сдѣланныхъ реквизицій и немедленно увѣдомлять о томъ, такъ какъ всѣ по-

боры должны производиться на счетъ правительства. Почему предлагаю вамъ слѣдовать въ точности вышеизложеннымъ правиламъ и тѣмъ исполнить повелѣніе его королевскаго высочества и предписаніе его превосходительства барона Винцингероде; причемъ нужнымъ считаю замѣтить, что на васъ однихъ падеть отвѣтственность, если вы не приведете въ исполненіе всѣхъ данныхъ вамъ приказаній.—Какъ скоро откроете вы сообщеніе съ постами главной арміи, то чрезъ нихъ сообщите главнокомандующему точное свѣдѣніе о настоящемъ состояніи нашей (т. е. сѣверной) арміи, что должно быть хорошо вамъ извѣстно послѣ пребыванія вашего въ главной квартирѣ генерала Винцингероде, который, конечно, не преминулъ говорить съ вами объ этомъ предметѣ.—Пистерицъ, близъ Виттенберга, 3-го сентября 1813. Генераль-адъютантъ Чернышевъ.“

У меня вытянулось лицо, когда я прочиталъ это предписаніе. Инструкція, очевидно, возлагала на меня тройкую обязанность: тревожить непріятели, собирать контрибуціи, передавать извѣстія въ главную армію. Каждая изъ этихъ обязанностей, взятая отдѣльно, дѣлала исполненіе другихъ невозможнымъ. Если я долженъ тревожить непріятели, то не могу пробираться къ главной арміи; если употребляю время на реквизиціи, то извѣстія мои устарѣютъ для главной арміи. Притомъ, кто хочетъ дѣйствовать съ успѣхомъ въ тылу противника, тотъ долженъ имѣть на своей сторонѣ обывателей; но кто возлагаетъ на нихъ реквизиціи и контрибуціи, того они ненавидятъ и охотно желали бы видѣть его гибель. Чернышевъ отвѣчалъ мнѣ, что онъ знаетъ всѣ эти затрудненія, но написалъ инструкцію буквально по полученнымъ свѣдѣніямъ. — „Попробуемъ—подумаю я—сдѣлаемъ все, что можно, а невозможнаго дѣлать никто не обязанъ.“

Ночевавъ въ Козвигѣ, я распорядился на другой же день переправиться за Эльбу; но въ самый рѣшительный моментъ прискакалъ ко мнѣ адъютантъ Чернышева, съ приказаніемъ немедленно явиться къ генералу, стоявшему предъ Виттенбергомъ. Чернышевъ сказалъ мнѣ, что изъ Богемии прибылъ князь Кудашевъ, что кронпринцъ опять отправилъ его туда съ нужными извѣстіями и что потому экспедиція моя къ главной арміи отлагается до времени. Мнѣ было велѣно состоять при отрядѣ, блокировавшемъ Виттенбергъ.

Я обрадовался такой перемѣнѣ, и въ особенности назначе-

нію служить подѣ начальствомъ Чернышева. Онъ требовалъ многого отъ своихъ подчиненныхъ, но и много дѣлалъ для нихъ; а какъ всё свои предпріятія онъ разсчитывалъ всегда мѣтко и вѣрно, то у него никогда не было недостатка въ случаяхъ къ отличію.

Чернышевъ сообщилъ мнѣ свой планъ, отгѣснить французскіе аванпосты, и передалъ мнѣ команду на своемъ правомъ флангѣ. Подкрѣпленный артиллеріей, я обошелъ заложенный при Аполенсдорфѣ блокгаузъ, вслѣдствіе чего непріятель очистилъ его, а я вступилъ въ укрѣпленіе и взялъ нѣсколько плѣнныхъ. Вскорѣ потомъ французы оставили и прочія укрѣпленія и отвели свои передовые посты. Это позволило намъ разрушить ретраншаменты и снять, при помощи крестьянъ, палисады.

Между тѣмъ, насталъ день сраженія при Денневицѣ (6-го сентября). Ней двинулся на Ютербокъ; Тауэнцинь и Бюловъ бросились ему навстрѣчу. Въ этомъ сраженіи, выигранномъ пруссаками, принимало участіе лишь небольшое число войскъ Воронцова, и только кавалерія Винцингероде, предводимая барономъ Магнусомъ Паленомъ, имѣла случай покрыть себя славою. Чернышевъ получилъ предписаніе не допускать къ гарнизону Виттенберга помощи и тревожить партизанскими отрядами лѣвый флангъ Нейя. Это порученіе онъ возложилъ на меня. Настигнувъ Нейя въ минуту его безпорядочнаго отступленія, я преградилъ ему путь къ Виттенбергу и принудилъ идти на Торгау.

Когда же Ней переправился съ разстроеными остатками за Эльбу, кронпринцъ двинулся, со шведами и съ русскими, къ Козвигу и Цербсту. Чернышевъ также пошелъ туда, оставивъ меня передъ Виттенбергомъ до прибытія пруссаковъ, которымъ передали блокаду и осаду этой крѣпости и Торгау. Затѣмъ Винцингероде вытребовалъ меня къ себѣ въ Цербстъ, гдѣ, на прекрасныхъ равнинахъ, собралась большая часть сѣверной арміи, чтобы переправиться за Эльбу; или, если бы Наполеонъ упорствовалъ въ своемъ намѣреніи броситься на Берлинъ, принять бой и преградить ему путь къ столицѣ Пруссіи.

Винцингероде встрѣтилъ меня самымъ любезнымъ образомъ, показалъ мнѣ свое донесеніе государю, въ которомъ повергалъ мое имя на особенное высочайшее воззрѣніе, а послѣ обѣда, взявъ меня въ свой кабинетъ, передалъ приказаніе отправиться

чрезъ два часа къ моей казачьей бригадѣ, усиленной еще однимъ полкомъ. Съ этимъ отрядомъ, я долженъ былъ, одновременно съ Чернышевымъ, перейти за Эльбу, занять пространство между Салою и Мульдюю, отрядить сильныя части къ Магдебургу и всѣ лодки, которыя попадутся мнѣ на Салѣ, сплавить въ Эльбу для постройки моста у Акена.

Радостно и весело принялъ я такое удобоисполнимое порученіе. Нѣкоторые молодые офицеры главной квартиры, соблазнясь моимъ недавнимъ захватомъ военной казны, просились въ экспедицію со мною; но Винцингероде не согласился на это къ моему удовольствію, потому что подобные господа большею частію бываютъ бесполезны, а между тѣмъ выхватываютъ награды изъ-подъ носа заслуженныхъ офицеровъ, неимѣющихъ протекціи. Безотлагательно собралъ я свой отрядъ, чтобы выступить въ походъ. Оказалось большое затрудненіе въ полученіи фуража, такъ какъ въ тѣсномъ пространствѣ на Эльбѣ сосредоточено было множество лошадей. Это обстоятельство вовлекло меня въ жаркій споръ съ полковникомъ Л*, командиромъ полка изъ калмыковъ, и какъ, вслѣдъ затѣмъ, я взялъ проводника, котораго онъ приготовилъ для себя—о чемъ я не зналъ—то, за сугубое оскорбленіе, Л*, расшумѣвшійся и раскричавшійся, вызвалъ меня на дуэль. Товарищи не допустили насъ до этой крайности, и мы условились помѣняться пулями на жизнь и на смерть въ первую свободную минуту. Теперь же было такое время, когда пули и безъ вызова летали въ достаточномъ количествѣ: къ сожалѣнію, вскорѣ французскій свинецъ дѣйствительно пробилъ грудь моего сердитаго противника. Это избавило меня отъ непріятной перспективы драться съ офицеромъ храбрымъ, достойнымъ уваженія изъ-за вазанки сѣна и изъ-за того, что крестьянскій парень, принужденный служить проводникомъ, страшно боялся русскихъ и калмыцкихъ угрозъ и, въ такой крайности, былъ на столько хитеръ, что предпочелъ меня, заговорившаго съ нимъ по-нѣмецки.

Черезъ Эльбу переправился я вплавь, и довольно благополучно, потому что потерялъ только одну лошадь, унесенную теченіемъ. Переправу прикрывалъ подполковникъ Бекеръ съ гренадерскимъ баталіономъ. Ступивъ на противоположный берегъ, я немедля двинулся къ берегу Салы, гдѣ расположился въ замкѣ Розенбургѣ, принадлежавшемъ кронпринцу Шведскому, который, еще въ званіи французскаго маршала, получилъ

его отъ Наполеона въ видѣ дотации. Въ замкѣ я нашелъ прусскаго офицера Клицинга, который тайкомъ пріѣхалъ повидаться съ своею молодою и красивою супругою, невѣсткою главнаго управителя замка. Клицингъ не имѣлъ причины скрываться отъ меня; мы скоро облизались, и онъ, какъ хорошо знакомый съ окрестностями, былъ мнѣ весьма полезнымъ совѣтникомъ и добрымъ товарищемъ (*).

Въ первую же ночь послѣ моей переправы, я послалъ его съ 50 казаками за Салу для собранія ближайшихъ извѣстій о появившейся, по слухамъ, непріятельской колоннѣ изъ 4,000—5,000 человекъ. Клицингъ исполнилъ порученіе такъ успѣшно, что не только вполнѣ успокоилъ меня насчетъ этой мнимой колонны, но еще захватилъ большой транспортъ овса и водки, назначенный въ Магдебургъ. Этотъ транспортъ я направилъ къ нашей арміи, гдѣ неожиданная присылка столь необходимыхъ предметовъ была встрѣчена съ большимъ удовольствіемъ.

Здѣсь я долженъ обратиться нѣсколько назадъ, для объясненія, какимъ образомъ я узналъ объ угрожавшей намъ непріятельской колоннѣ. Едва прибылъ я въ замокъ Розенбургъ и занялся просушкою своей мокрой до нитки одежды, какъ получилъ отъ генерала Чернышева приказаніе немедленно явиться къ нему. Онъ переправился чрезъ Эльбу незадолго до меня (14-го сентября) (при чемъ пушки и гусарская сбруя были перевезены на плоту) и стоялъ теперь, въ четверти часа отъ меня. Какъ ни непріятно было въ темную, дождливую ночь ѣхать въ томъ же промоченномъ насквозь платьѣ и на конѣ, съ котораго едва слѣзъ, однако надлежало повиноваться. Чернышевъ сказалъ мнѣ, что онъ, только-что переправясь черезъ рѣку не безъ трудовъ и опасностей, долженъ воротиться по требованію кронпринца, получившаго достовѣрное извѣстіе о выступленіи изъ Магдебурга непріятельской колонны въ 4,000—5,000 человекъ, съ цѣлю занять Бернбургъ и течение Салы и прогнать наши отряды. Сообщивъ мнѣ это для свѣдѣнія, Чернышевъ прибавилъ, что переходитъ обратно за Эльбу. Я позволилъ себѣ замѣтить, что, командуя летучимъ отрядомъ и не имѣя артиллеріи, могу отважиться остаться на лѣвомъ берегу до тѣхъ поръ, пока не разузнаю хорошенько о французской

(*). Онъ остался потомъ при мнѣ съ разрѣшенія короля прусскаго, къ которому я обращался, по этому поводу, съ просьбою.

колоннѣ. Чернышевъ разрѣшилъ мнѣ дѣйствовать по усмотрѣнію, но на моей отвѣтственности, и приступилъ къ обратной переправѣ. Я же, возвратившись въ Розенбургъ, послалъ, какъ сказано, полсотни казаковъ съ прусскимъ офицеромъ; получилъ самыя удовлетворительныя свѣдѣнія, передалъ ихъ Воронцову, съ приложеніемъ транспорта овса и водки, и не подвергся выговору за самовольное пребываніе на лѣвомъ берегу Эльбы. Вскорѣ воротился и Чернышевъ и предпринялъ свое славное движеніе къ Касселю, кончившееся разрушеніемъ Вестфальскаго королевства.

Мнѣ приказано было прикрывать его флангъ, наблюдать за движеніями непріятеля, которые могли быть направлены противъ него со стороны Магдебурга, проникнуть до Гальберштадта и Брауншвейга, а потомъ отойти къ Бернбургу, чтобы обезпечить отступленіе Чернышева, если бы онъ направился сюда. Переправясь при Розенбургѣ черезъ Салу, я, отряженіемъ сильныхъ частей въ разныя стороны, взволновалъ всю окрестность Магдебурга, два раза прогонялъ сопротивлявшійся мнѣ эскадронъ конныхъ егерей, захватилъ нѣсколько плѣнныхъ и сдѣлалъ въ продолженіе дня такіе переходы, которые могли быть вынесены только казачьими лошадьми: всякая другая конница обезножѣла бы отъ нихъ.

На слѣдующее утро явился я, къ великому изумленію жителей, передъ Гальберштадтомъ. Здѣсь я конфисковалъ вестфальскіе архивы и казну, послалъ сильный отрядъ къ Вольфенбютелю и, узнавъ о благополучномъ прибытіи Чернышева въ Кассель, собралъ почетныхъ жителей, какъ Гальберштадта, такъ Кведлинбурга и Вольфенбютеля, для совѣщаній о распредѣленіи наложенной мною контрибуціи. Получивъ овесъ, лошадей, воловъ и водку, я воротился въ Бернбургъ, который избралъ главнымъ пунктомъ предстоявшихъ мнѣ дѣйствій.

Разсчитывая, что генералъ Лемаруа, командовавшій въ Магдебургѣ, недолго оставитъ меня здѣсь въ покоѣ, я безотлагательно принялъ нужныя для моей безопасности мѣры. Двѣ сотни казаковъ расположилъ я по магдебургской дорогѣ и неутомимо старался вывести лодки и барки изъ Салы въ Эльбу до Аена, гдѣ, кромѣ уже наведеннаго моста, надлежало приготовить еще другой. Двѣ большія лодки я захватилъ въ Ротенбургѣ, но онѣ не успѣли еще выйти изъ Салы, когда Лемаруа выслалъ противъ меня генерала Ланюсса, съ тѣмъ,

чтобы выгнать меня изъ Бернбурга и воспрепятствовать дальнѣйшему препровожденію судовъ. Съ моихъ аванпостовъ тотчасъ же дали мнѣ знать о наступленіи колонны, и я рѣшился, на сколько то окажется возможнымъ, оборонять переправу черезъ Салу.

Когда появилась (9-го октября) голова французской колонны, я хотя и убѣдился, что безъ пѣхоты мнѣ нельзя будетъ удержаться, однако не хотѣлъ очистить безъ боя свою позицію. Полкъ Попова помѣстилъ я скрытно, въ лощинѣ, параллельно съ большою дорогою, по которой долженъ былъ двигаться непріятель, возложивъ на него атаку съ тыла, между тѣмъ какъ самъ я, съ полкомъ тверскихъ волонтеровъ, поставленнымъ поперекъ дороги передъ Бернбургомъ, имѣлъ въ виду принять французовъ съ фронта. Я рассчитывалъ на дѣйствіе внезапной атаки съ тыла и происшедшаго отъ того замѣшательства и хотѣлъ, смотря по обстоятельствамъ, принять дальнѣйшія мѣры. Французская пѣхота дебушировала изъ деревни Гатерслебенъ густою колонною, имѣя впереди артиллерію и прикрытая застрѣльщиками. Конница слѣдовала въ разстояніи получетверти часа. Лишь только послѣдняя вышла изъ деревни, безопасно слѣдуя за пѣхотою, я приказалъ полку Попова атаковать. Непріятельскіе всадники, озадаченные неожиданнымъ нападеніемъ, бросились во весь опоръ къ своей пѣхотѣ; но мои казаки-молодцы опередили ихъ на своихъ прыткихъ коняхъ, закололи и изрубили многихъ и привели остальныхъ въ разстройство. Тогда генераль Ланюссъ остановилъ пѣхоту, вывезъ орудія и сталъ обстрѣливать мои позиціи. Это дало мнѣ время притянуть къ себѣ полкъ Попова; но если бы Ланюссъ атаковалъ меня живо пѣхотою, то могъ бы отрѣзать отъ меня Попова.

Скоро однако противникъ мой замѣтилъ, что у меня нѣтъ ни артиллеріи, ни пѣхоты, и потому бѣсился бѣглымъ шагомъ, осыпая меня картечью и пулями. Я сталъ отступать по длинной и почти прямой главной улицѣ города, съ намѣреніемъ остановиться у моста и защищать его. Съ этою цѣлію я спѣшилъ сотню казаковъ и приказалъ имъ отстрѣливаться изъ ихъ длинноствольныхъ ружей. Послѣ упорной перестрѣлки, непріятель вывезъ противъ моста орудія и занялъ берегъ многочисленными стрѣлками. Принужденный отступить, я отошелъ на четверть мили отъ города, расположился тамъ

за крутоберегою рѣчкою и послалъ офицера къ Воронцову съ извѣстіемъ о моемъ положеніи. Ночью я получилъ отвѣтъ, въ которомъ графъ выражалъ свои опасенія за мосты въ Агенѣ и Рослау, какъ за главные пути отступленія сѣверной арміи за Эльбу. Мнѣ было невыразимо прискорбно, что меня вытѣснили изъ Бернбурга, и я рѣшился, не ожидая подкрѣпленія пѣхотою, вновь овладѣть городомъ. Съ этою цѣлію я старался предварительно беспокоить непріятели какъ можно чаще и фальшивыми тревогами поддерживать его въ напряженномъ состояніи.

Затѣмъ, продержавшись на занятой позиціи цѣлый день, въ ночь (на 11-е октября) я сдѣлалъ распоряженія атаковать противника. Прежде всего я переправилъ впасть черезъ Салу двѣ сотни, чтобы занять постъ въ тылу французовъ; у себя же приказалъ время отъ времени бить въ барабанъ, какъ-будто получилъ подкрѣпленіе пѣхотою, и разложить большіе костры. На разсвѣтъ, съ криками: „ура!“ бросился я на непріятельскіе ведеты, опрокинулъ ихъ, и казаки мои разсыпались во всѣ стороны, не жалѣя выстрѣловъ. Заслышавъ тревогу, двѣ сотни, находившіяся въ засадѣ, выскочили и бросились къ городу также съ оглушительными криками. Всѣ эти обстоятельства, какъ я и предполагалъ, вѣроятно навели генерала Ланюсса на мысль, что я получилъ значительныя подкрѣпленія: онъ поспѣшилъ очистить Бернбургъ, опасаясь быть отрѣзаннымъ отъ Магдебурга. Такимъ образомъ я опять овладѣлъ порученнымъ мнѣ пунктомъ, единственно съ казаками противъ артиллеріи, пѣхоты и регулярной кавалеріи. Наслѣдный принцъ Шведскій осыпалъ меня и моихъ казаковъ похвалами (*).

Между тѣмъ, совершились великія стратегическія движенія, послужившія введеніемъ къ битвѣ подъ Лейпцигомъ: Блюхеръ переправился черезъ Эльбу подъ Вартебургомъ, кронпринцъ Шведскій при Рослау и Агенѣ, и лишь только они двинулись къ

(*) Въ его бюллетенѣ (№ 20) сказано было слѣдующее: „Полковникъ баронъ Левенштернъ драгою съ горстью казаковъ противъ слишкомъ двухтысячнаго непріятели въ улицахъ Бернбурга. Послѣ четырехчасоваго боя городъ хотя и былъ оставленъ, такъ какъ непріатель имѣлъ артиллерію, однако на слѣдующее утро взять снова. Смѣленость и храбрость, выказанныя при этомъ случаѣ, какъ и при всѣхъ другихъ, казаками, дѣлаютъ имъ величайшую честь. Эти неустрашимые воины служатъ не только глазомъ арміи, но и сражаются съ регулярными войсками, разбиваютъ эскадроны, прорываютъ каре, переправляются впасть черезъ рѣки, проникаютъ въ тылъ непріятельской арміи, гдѣ распространяютъ страхъ и смутеніе“.

Лейпцигу, какъ приближеніе Наполеона отъ Дрездена заставило войска ихъ поспѣшно отступить за Салу. Блюхеръ перешелъ эту рѣку при Галле, кронпринцъ при Ротенбургѣ, Альслебенъ и Бернбургѣ; при послѣднемъ городѣ переправился и фельдмаршалъ Стедингъ со шведами.

Едва Стедингъ перевелъ въ Бернбургъ свою главную квартиру (11-го октября), какъ во время обѣда, къ которому былъ приглашенъ и я, прискакалъ казачій офицеръ извѣстить меня, что сильная непріятельская колонна опять появилась передъ Кальбе, выгнала оттуда казачій пикетъ и заняла это мѣстечко. Стедингъ обнаружилъ опасеніе за флангъ и тылъ, вслѣдствіе чего я вызвался броситься на дорогу, ведущую изъ Кальбе въ Магдебургъ, съ моими двумя казачьими полками и примкнувшими ко мнѣ двумя эскадронами прусскихъ улановъ, подъ начальствомъ майора графа Шверина, съ тѣмъ, чтобы затруднить непріятелю отступление, если фельдмаршалъ прикажетъ атаковать Кальбе, и предварительно выгнать оттуда французовъ. Стедингъ согласился на мое предложеніе, но для поддержанія моей атаки приказалъ слѣдовать за мною гусарскому Мёрнера полку, который и отдалъ подъ мою команду.

Шведскій фельдмаршалъ былъ пріятно изумленъ, съ какою быстрою казаки изготовились къ выступленію въ походъ; мёрнеровы гусары не могли снарядиться съ казачьей скоростію, и потому я велѣлъ имъ догнать меня. Я выѣхалъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ шведскихъ офицеровъ изъ свиты Стединга и, рассчитывая на обѣщаніе его атаковать Кальбе, направился поспѣшно на флангъ непріятеля. Расположившись поперекъ дороги изъ Кальбе въ Магдебургъ, я сталъ ожидать прибытія мёрнеровыхъ гусаровъ и въ особенности атаки Стединга на Кальбе. Ожиданія мои оказались напрасными. Стедингъ, тотчасъ по моемъ отъѣздѣ, измѣнилъ свой образъ мыслей и вмѣсто поддержки прислалъ ко мнѣ ординарца съ увѣдомленіемъ, что, согласно повелѣнію кронпринца, онъ немедленно выступаетъ изъ Бернбурга. Вмѣстѣ съ тѣмъ Стедингъ написалъ мнѣ, что крайне сожалѣетъ о моемъ затруднительномъ положеніи, но надѣется, что я выйду изъ него съ честью.

Такимъ образомъ я оставленъ былъ одинъ на магдебургской дорогѣ и сообщеніе мое съ Бернбургомъ было перервано непріателемъ въ Кальбе. Я кипѣлъ отъ негодованія; но прежде всего надлежало подумать, какъ выбраться изъ бѣды. Проме-

жуточный постъ изъ 50 казаковъ я поставилъ въ Мюнхенъ-Нейбургъ, на дорогъ изъ Кальбе въ Бернбургъ. Этому посту я послалъ теперь приказаніе двинуться смѣло на Кальбе и заставить противника подумать, что полусотня составляетъ только авангардъ болѣе значительнаго отряда. Самъ я также выступилъ къ Кальбе, приказавъ слѣдовать во второй линіи обоимъ эскадронамъ прусскихъ улановъ.

Замѣтивъ наше наступательное движеніе, непріятель вышелъ изъ Кальбе сомкнутою колонною, имѣя два орудія съ фронта и два въ хвостъ, свернулъ въ поле и, повидимому, имѣлъ намѣреніе выйти позади меня на магдебургскую дорогу. Это до крайности обрадовало меня, какъ явное доказательство, что противникъ мой комышлялъ единственно объ отступленіи и спасеніи, а вовсе не о томъ, чтобы преградить мнѣ путь къ Бернбургу. Я тотчасъ же показалъ видъ, что намѣренъ воспротивиться его отступательному движенію и самъ перейти въ наступленіе; когда же непріятель сталъ отвѣчать мнѣ картечью и хорошо поддерживаемымъ ружейнымъ огнемъ, я быстро обогналъ его справа и двинулъ небольшую команду на Кальбе. Здѣсь казаки взяли около полусотни плѣнныхъ и повозку съ реквизиціоннымъ добромъ.

Графъ Шверинъ, командовавшій прусскими уланами, просилъ позволенія атаковать непріятельскую колонну; но я не согласился, сомнѣваясь въ успѣхъ: у насъ не было артиллеріи, чтобы разстроить противника. Кромѣ того я догадывался, что не столько мои слабыя силы, сколько опасеніе, что шведы придутъ въ Бернбургъ, побудило французовъ оставить свою надежную позицію. Я удовольствовался тѣмъ, что тревожилъ ихъ на пространствѣ около семи верстъ, и затѣмъ вернулся въ Бернбургъ.

Досадно было мнѣ на стараго шведскаго фельдмаршала. Конечно, я выпутался изъ бѣды, но за то упущенъ былъ случай къ блистательному дѣлу: если бы шведы исполнили, какъ обѣщали, вышеупомянутую атаку, то вся колонна была бы въ нашихъ рукахъ; она была бы истреблена или положила бы оружіе. Въ Бернбургъ я не засталъ уже ни одной шведской души, что лишило меня удовольствія растолковать Стединггу всю важность его промаха.

Какое значеніе придавалъ кронпринцъ удержанію Бернбурга, явствуетъ изъ того, что сначала онъ подкрѣпилъ меня

двумя баталіонами и двумя эскадронами пруссаковъ, а вслѣдъ затѣмъ, 3-го (15-го) октября, еще двумя баталіонами шведовъ и однимъ баталіономъ пруссаковъ, такъ что я имѣлъ здѣсь подъ своею командою пять баталіоновъ и четыре эскадрона иностранныхъ войскъ, кромѣ моихъ казаковъ. Бернбургъ дѣйствительно былъ важный пунктъ: онъ доставлялъ обезпеченную переправу на нижней Салѣ, прикрывалъ правый флангъ кронпринца и служилъ Чернышеву, дѣйствовавшему еще на лѣвомъ берегу, надежнымъ опорнымъ пунктомъ.

Извѣстіе, будто Наполеонъ, съ главными силами, думалъ переправиться подъ Виттенбергомъ, чтобы выместить свой старый гнѣвъ на берлинцахъ и съ тѣмъ вмѣстѣ взять другую коммуникаціонную линію чрезъ Магдебургъ, побудило кронпринца воротиться, 1-го (13-го) октября, изъ-за Салы въ Кеттенъ, съ цѣлю перейти обратно за Эльбу при Акенѣ и прикрыть Берлинъ. Но мостъ чрезъ Эльбу былъ, вслѣдствіе ложной тревоги, разрушенъ Гиршфельдомъ, и, къ счастью общаго дѣла, кронпринцъ остался по сю сторону Эльбы, чтобы, спустя нѣсколько дней, именно 6-го (18-го) октября, принять участіе въ великой битвѣ подъ Лейпцигомъ. Въ продолженіе трехъ знаменательныхъ дней 4-го (16-го), 6-го (18-го) и 7-го (19-го) октября, когда рѣшалась судьба Европы, я удерживалъ свою бернбургскую позицію противъ непріятеля, находившагося въ Бернбургѣ, о чемъ кронпринцъ, имѣя въ виду обезпеченіе своего тыла, настоятельно предписывалъ мнѣ въ дневномъ приказѣ отъ 3-го (15-го) октября. По этой причинѣ я и не участвовалъ въ славной битвѣ народовъ и; не бывъ очевидцемъ, не стану говорить о ея ходѣ, впрочемъ, хорошо извѣстномъ изъ другихъ источниковъ.

Когда мы узнали объ исходѣ лейпцигскаго боя, я вознамѣрился отпраздновать побѣду въ столицѣ Ангальтскаго княжества баломъ. Эта потѣха стоила мнѣ двѣ сотни фридрихсдоровъ. Приглашены были именитѣйшіе жители города и окрестностей, и почти всѣ явились ликовать торжество союзниковъ. Дамы, жившія въ мѣстностяхъ, занятыхъ французами, имѣли мужество отважиться на переѣздъ чрезъ двѣ линіи войскъ, чтобы потанцовать въ кадрилихъ и котильонахъ. Вышло однако затрудненіе въ составѣ оркестра бальной музыки; но, къ счастью, я узналъ, что два кларнета и валторну можно было взять въ одной деревнѣ, въ чертѣ французскихъ линій, и потому

послалъ за ними двѣ сотни казаковъ. Эту музыкальную фуражировку превосходно и благополучно выполнилъ поручикъ Клицингъ.

Праздникъ мой, едва-ли не первый въ честь 6-го (18-го) октября, удался и всѣмъ понравился. Дамы, пріѣхавшія людей посмотреть и себя показать, могли исполнить первое при самомъ яркомъ освѣщеніи, а для втораго онѣ имѣли блестящія балльные наряды; наконецъ, онѣ нашли роскошное угощеніе и молодыхъ ловкихъ танцоровъ, изъ которыхъ многие были особенно интересны—съ едва зажившими на лицѣ сабельными ранами или съ черными повязками, въ которыхъ покоилась храбрая рука. Къ услугамъ кавалеровъ были отборныя вина, дорогой кардиналь и безчисленные тосты. Между тѣмъ какъ одна часть офицеровъ танцевала, другая патрулировала, потому что атака со стороны французовъ была дѣломъ не невозможнымъ. Однако все кончилось тихо и смирно. Собственно мнѣ друзья приготовили пріятную нечаянность. Еще прежде битвы подъ Лейпцигомъ, кронпринцъ Шведскій пожаловалъ меня кавалеромъ ордена Меча при лестномъ рескриптѣ (*); но сначала запоздала съ ними полевая почта, а потомъ мои товарищи-шведы задержали бумагу, чтобы торжественно поднести ее мнѣ, на моемъ же праздникѣ, вмѣстѣ съ орденскими знаками. При многократныхъ крикахъ „ура!“ меня поздравили новымъ меченосцемъ.

* * *

(*) Рескриптъ былъ слѣдующаго содержанія: „Господинъ полковникъ фонтъ-Левенштернъ! Усердіе и храбрость, оказанныя вами при всѣхъ случаяхъ, побуждаютъ меня, отъ имени короля, наименовать васъ кавалеромъ военнаго ордена Меча, знаки котораго будутъ доставлены вамъ въ скоромъ времени. Сообщая вамъ, господинъ полковникъ фонтъ-Левенштернъ, объ этомъ свидѣтельствѣ моего особеннаго благорасположенія, молю Бога, да сохранитъ Онъ васъ подъ Своими святымъ покровомъ. Главная квартира въ Дессау, 4-го октября 1813.

„Карлъ-Іоаннъ.“